

ЕЛЕНА ШВАРЦ

стихи

ЕЛЕНА ШВАРЦ

стихи

Ассоциация «Новая литература»

Ленинград 1990

ББК 84Р7
ШЗЗ

*На обложке воспроизведен
офорт А. Ю. Колокольцева «Мариенталь»*

ISBN 5-85080-001-8

© Ассоциация «Новая литература», 1990 г.

Из сборника

«ВОЙСКО, ИЗГОНЯЮЩЕЕ БЕСОВ»

СОЛОВЕЙ СПАСАЮЩИЙ

(стихотворение-двойник)

Соловей засвистал и защелкал
(Как банально начало, но я не к тому),
И он сцепил голосовой защелкой
Деревню Новую и Каменного дышащую тьму,
И он повесил на прохладе сушиться их полотна —
Чтоб точку ту найти — материей не так набиту
плотно.

Друг — неведомый! Там он почуял иные
Края — где нет памяти, где не больно
Дышать. Там они — те пространства родные,
Где чудному дару будет привольно.
И свиста рукоять зажав, он начал точку ту
долбить,
Где запах вечности шел слабый — ах, нам его
не уловить!

Он лил кипящий голос
В невидимое углубленье.
То он надеялся, что звук взрастет, как волос, —
Уже с той стороны — то умолкал в сомненье.
То прижимался и тянул из этой ямки все подряд,
Проглатывая грязь и всасывая яд.

Он рыл туннель в грязи пахучей ночи
И ждал ответ
С той стороны — вдруг кто-нибудь захочет
Помочь. Блеснет нездешний свет.
Горошинку земли он под язык вкатил
И выплюнул бы в свет, а сам упал без сил.

РАСПРОДАЖА БИБЛИОТЕКИ ИСТОРИКА

Вот тот, нагой, что там в углу сидит,
На нем чужой башмак с алмазной пряжкой,—
Он бледен, жалок, не был знаменит,
И жил он дома меньше, чем на Пряжке.

Это в веке чужом золотят стремяна,
Так причудливо строят и крепко,
Но когда ты живешь — то в свои времена
И буденовка кажется кепкой.

Потому он ушел, он сошел по мосткам
Корешков — по хрустящим, оторванным —
К фижмам, к пахнущим уксусом слабым вниз —
Где для яда — крапленый сервиз, вискам,

Где масоны выводят в ночи цыплят
Из вареных вкрутую яиц,
Но их шепот так слаб, так прозрачен наряд,
Так безглазо сияние лиц!

С волной паломников он шел другое лето —
Кто темные воды их пьет?
За желтой и сухой гвоздикой Назарета
Дитя босое в сумерках бредет.

Он повсюду — в полях и трактирах — искал
Полета отравленной шпаги,
Но бесплотное сердце клинок протыкал,
Только разум мутя и лишая отваги.

Лик человечества — не звук пустой,
Есть люди-уши, люди-ноздри, зубы.
В те дни он был небрит, весь в бороде густой,
Не то что в наши дни — тончал и шел на
убыль.

Все души с прочернью, как лес весной,
Но вот придет, светясь,
Франциск Ассизский,—
Чтоб мир прелестен стал, как одалиска,
Довольно и одной души, одной!

Но закрутилось колесо, срывая все одежды,
Повсюду — легионы двойников,
Их не найти нет никакой надежды,
Зарывшись в легионы дневников.

Идет остижена на плаху королева,
Но чтоб замкнулся этот круг —
Вперед затылком мчится дева
И смотрит пристально на юг.

Когда она подходит ближе,
Из-под корсета вынимая нож,—
Хоть плещешься в ботинке с красной жижей —
Марат — ты в этот миг на короля похож.

Повсюду центр мира — страшный луч
В моем мизинце и в зрачке Сократа,
В трамвае, на Луне, в разрыве мокрых туч
И в животе разорванном солдата.

Где в огненной розе поет Нерон
И перед зеркалом строит рожи,
Где в Луну Калигула так влюблен,
Что плачет и просит спуститься на ложе.

Где Клеопатра, ночной мотылек,
С россыпью звезд на крылах своих нежных.
Флот деревянный — магнит уволок,
Дикий, он тянет — что нежелезно.

Ах, он всех — он даже Петра любил,
Что Россию разрезал вдоль,
Черной икрой мужиков мостовые мостил,
Но душ не поймал их, вертких как моль.

Ах, не он ли и Павлу валерьянку носил,
Просил — не ссылай хоть полками,—
Но тот хрипел, и тень поносил,
И, как дитя, топотал ногами...

Он в комнате пустой — все унесли,
Его витраж разбили на осколки,
Пометы стерли, вынули иголку,
Что тень скрепляла с пестротой земли.

Но больше он любил в архивах находить,
Кого напрочь забыто имя,—
При свете ярком странно так скрестить
Свои глаза с смеженными, слепыми,

Но благодарными. А сам он знал,
Что уж его наверно не вспомнят.
У входа, впрочем, душ один клубится вал,
А имена — как жребии мы тянем.

БУРЛЮК

В. Кривулину

Удивленье
В миг рожденья —
А там уж бык привык,
Что он из круга в круг,
Из века в век —
Все бык.
Но дхнул в свой рог
Дух мощный вдруг —
И бык упал,
И встал Бурлюк.

О русский Полифем! Гармонии стрекало
Твой выжгло глаз.
Музыка сладкая глаза нам разъедала,
Как мыло, и твой мык не слышен был для нас.

Явился он — и Хаос забурился,
И ассиметрия взыграла.
Дом крепкий, ясный блеск светил —
Все затряслось, как лодка у причала.

Промчался он ревушим Быкобогом,
Уже безмясый, но живой.
Как перед пьяным — ввысь дорога,
Меж туч клубится орган половой.

(Бывают времена — они свою дитю
Лелеют, нежат, в хлебе запекают
Горячем. Педантичный дух,
Во чревах обходя младенцев,
Им уши протыкает,
Им зрение острит,

КОЛЯСКА, ЗАБЫТАЯ У МАГАЗИНА

Ребенок позабыт в шелку коляски.
Мать утонула в блеске магазина.
На крае сумерек уж появилась ночь.
С кровавой ягодкой влечет она корзину.
Клубится и мяучит кот,
Фонарь горит над низкою луной,
Лежит младенец под
Чуть наклонною стеной.
Жива стена, жив шелк, шуршат пеленки,
И только нет его, он растворен,
Он ничего не значит,
Как эти крики хриплые вокруг:
Ребенок чей? Уже давно он плачет.
Они кричат, как птицы надо льдом,
А он, кружась, упадает в прорубь.
Коляску метит, пролетев с трудом,
Розовоглазый голубь.
Столпились тени, лед шуршит газетой,
Но площадка разума светится, не погасла,
Хоть испаряется ее святое масло,
Хотя уже дрожит несчастный огонек
И жалобно клонится.
Но где ж она, родимые сосцы, тепло и свет?
Пора бы появиться.
И появляется с авоською она —
Что выплюнуть его на свет решилась,
И весело влечет скорей туда,
Где сразу все забылось.
И не заметно ей — младенец растворен
В ночи, как сахара кусочек,
Но он воскреснет вновь, да, выплывет он
ВНОВЬ —
До новой тьмы и ночи.

НЕВИДИМЫЙ ОХОТНИК

Может быть — к счастью или позору —
Вся моя ценность только в узоре
Родинок, кожу мою испещривших,—
В темных созвездьях, небо забывших.
Вся она — карточка северной ночи:
Лебедь, Орел, Андромеда, Возничий,
Гвоздья и гроздья и многоточья...
Ах — страшны мне эти отличья!
Нет — не дар, не душа, не голос,—
Кожа — вот что во мне оказалось ценнее.
И невидимый меткий охотник,
Может, крадется уже за нею.
Бывают такие черепахи
И киты такие бывают —
Буквы у них на спине и знаки,
Для курьезу их убивают.
Не на чем было, быть может, флейтисту,
Духу горнему, записать музыку.
Вот он проснулся среди вечной ночи,
Первый схватил во тьме белый комочек
И нацарапал ноты, натыкал
На коже нерожденной, бумажно-снежной...
Может, ищет — найдет и срежет.
Знают ли соболь, и норка, и белка,
Сколько долларов стоит их шкурка?
Сгниет ли мозг и улетит душа...
Но кожу — нет — и червь не съест,
И там — мою распластанную шкурку
Глядишь, и сберегут как палимпсест
Или как фото неба-младенца.
Куда же мне спрятаться, смыться бы, деться?
Чую дыханье, меткие взоры...
Ах, эти проклятые на гибель узоры.

БЕСТЕЛЕСНОЕ СЛАДОСТРАСТИЕ

(Дагобер и Нантильда — короли, чьи скелеты,
как и всех прочих французских королей,
были вырыты в разгар революции
и брошены в яму с известью)

1

Дагобер, Дагобер,
Мне казалось, что все нас забыли,
Мы двенадцать веков в гробе тихо лежим,
Дышим тленом друг друга,
Обручальный наш червь недвижим.

2

Ах, Нантильда, Нантильда,
Серебристые кости,
Кто шумит там — не знаете вы?
Эти слуги всегда... Но у вас, дорогая,
Даже нету уже головы.

3

Головы моей нету, правда,
Всего лишнего я лишена,
Слезли платья, рубашка и грудь,
Но когда я пылинкою стану —
Вот тогда моя явится суть.

4

Да и я, дорогая Нантильда,
Только тверже я стал и белей.

Смертожизнь бесконечная длится...
Уж не слуги ль несут шоколад?..
К нам, вы слышите, кто-то ломится.

5

Кто-то крышку гроба снимает,
Наши кости кому-то нужны...
Не назвали ль случайно гостей,
Что отнимут сейчас ваши кости
От моих безутешных костей?

Голос: Вот еще парочка королей! В яму
их... с негашеной известью!

Отряхнув с себя кости и пепел —
Мы на небе друг друга не найдем?
Моя пыль так любила твою!
...Но что за чудо, Дагобер,
Вижу я твое лицо,
На руке твоей нетленной
Обручальное кольцо!
О Нантильда-Дагобер!
Дагобер-Нантильда!

Голос: Извести не жалеите! Сыпьте! Сыпьте!

ЭЛЕГИЯ НА РЕНТГЕНОВСКИЙ СНИМОК МОЕГО ЧЕРЕПА

Флейтист хвастлив, а Бог неистов —
Он с Марсия живого кожу снял,—
И такова судьба земных флейтистов,
И каждому, ревнуя, скажет в срок:
«Ты меду музыки лизнул, но весь ты в тине,
Все тот же грязи ты комок,
И смерти косточка в тебе посередине».
Был богом света Аполлон,
Но помрачился —
Когда ты, Марсий, вокруг руки
Его от боли вился.
И вот теперь он бог мерцанья,
Но вечны и твои стенанья.

И мой Бог, помрачась,
Мне подсунул тот снимок,
Где мой череп, светясь,
Выбыв из невидимок,
Плыл, затмив вечер ранний,
Обнажившийся сад,
Был он — плотно-туманный —
Жидкой тьмою объят,
В нем сплетались тени и облака —
И моя задрожала рука.
Этот череп был мой,
Но меня он не знал,
Он подробной отделкой
Похож на турецкий кинжал —
Он хорошей работы,
И чист он и тверд,
Но оскаленный этот
Живой еще рот...

Кость! Ты долго желтела,
Тяжелела, как грех,
Ты старела и зрела, как грецкий орех,—
Для смерти подарок.
Обнаглела во мне эта желтая кость,
Запахнула кожу, как полсть,
Понеслася и правит мной,
Тормозя у глазных арок.
Вот стою перед Богом в тоске
И свой череп держу я в дрожащей руке —
Боже, что мне с ним делать?
В глазницы ли плюнуть?
Вино ли налить?
Или снова на шею надеть и носить?
И кидаю его — это легкое с виду ядро,
Он летит, грохоча, среди звезд, как ведро.
Но вернулся он снова и, на шею взлетев,
напомнил мне для утешенья:
Давно, в гостях — на столике стоял его
собрать, для украшения,
И смертожизнь он вел засохшего растенья,
Подобьем храма иль фиала.
Там было много выпито, но не хватало.
И некто
тот череп взял и обносить гостей им стал,
Чтобы собрать на белую бутылку,
Монеты сыпались, звеня, по темному затылку,
А я его тотчас же отняла,
Поставила на место — успокойся,
И он котенком о ладонь мою потерялся.
За это мне наградой будет то,
Что череп мой не осквернит никто —
Ни червь туда не влезет, ни новый Гамлет
в руки не возьмет.
Когда наступит мой конец — с огнем пойду
я под венец.

Но странно мне другое — это
Что я в себе не чувствую скелета,
Ни черепа, ни мяса, ни костей,
Скорее же — воронкой после взрыва,
Иль памятью потерянных вестей,
Туманностью или туманом,
Иль духом, новой жизнью пьяным.

Но ты мне будешь помещенье,
Когда засвищут Воскресенье.
Ты — духа моего пупок,
Лети скорее на Восток.
Вокруг тебя я пыльным облаком
Взметнусь, кружась, твердея в Слово,
Но жаль — что старым нежным творогом
Тебя уж не наполнят снова.

ПЛАВАНЬЕ

Я, Игнаций, Джозеф, Крыся и Маня
В теплой разошедшей лодке в слепительном
плыли тумане.
Если Висла — залив, то по ней мы, наверно,
и плыли,
Были наги-не наги в клубах розовой пыли.
Видны друг другу едва, как мухи в граненом
стакане,
Как виноградные косточки под виноградною
кожей —
Тело внутрь ушло, а души, как озими всхожи,
Были снаружи и спальным прозрачным мешком
укрыли.
Куда же так медленно мы — как будто не плыли —
а плыли?
Долго глядели мы все на скользившее мелкое дно.
— Джозеф, на лбу у тебя родимое что ли пятно?
Он мне ответил, и стало в глазах темно:
— Был я сторожем в церкви святой Флориана,
А на лбу у меня смертельная рана,
Выстрелил кто-то, наверное, спьяну.
Видишь — Крыся мерцает в шелке — синем,
лиловом?
Она сгорела вчера дома под Ченстоховом
Nie ma już ciała, a boli mnie głowa.¹
Вся она темная, теплая, как подгоревший каштан.
Was hat man dir du, armes Kind, getan?²
Что он сказал про меня — не то, чтобы было
ужасно,
Только не помню я, что — понять я старалась
напрасно —
Не царапнув сознания, его ослепило,
Обезглазило — что же со мною там было?

Что бы там ни было — нет, не со мною то было.
Скрывшись привычно в подобии клетки,
Три канарейки — кузины и однолетки —
Отблеском пения тешились. Подстрелена метко,
Сгорбилась рядом со мной одноглазая белка.
Речка сияла, и было в ней плитко так, мелко.
Ах, возьму я сейчас канареек и белку,
Вброд перейду — что же вы, Джозеф и Крыся?
Берег — вон он — еще за туманом не скрылся.
— Кажется только вода неподвижным свеченьем,
Страшно, как током, ударит течение,
Тянет оно — в одном направленьи,
И ты не думай о возвращеньи.

Белкина шкурка в растворе дубеет,
В урне твой пепел сохнет и млеет.
Что там... А здесь — солнышко греет.
— Ну а те, кого я любила,
Их — не увижу уж никогда?
— Что ты! Увидишь. И их с приливом
К нам сюда принесет вода.
And if for ever,³ to muzyka brzmi⁴ —

из Штрауса обрывки.

Вода сгустилась вся и превратилась в сливки!
Но их не пьет никто. Ах, если бы Ты мог
Вернуть горячий прежний гранатовый наш сок,
Который так долго кружился, который — всхлип,
щелк —
Из сердца и в сердце — подкожный святой уголек.
Красная нитка строчила, сшивала творенье Твое!
О замысел один кровобращенья —
Прекрасен ты, как ангел мщенья.
Сколько лодок, сколько утлых кружится вокруг,
И в одной тебя я вижу, утонувший старый друг.
И котенок мой убитый на плечо мне прыгнул вдруг,

Лапкой белой гладит щеку —
Вместе плыть не так далеко.

Будто скрипнули двери —
Весел в уключинах взлет,
Темную душу измерить
Спустится ангел, как лот...

Примечания:

1. Уже нету тела, а голова болит (польск.).
2. Что сделали с тобою, бедное дитя? (Гете)
3. И если навсегда (Байрон).
4. Музыка гремит (польск.).

* * *

Жертвы требует Бог — так скорей же ее принеси.
Жизнь на части ты режь, в алюминии быстро
свари,

Деревянную ложкой по краям разотри.
Ну и что ж она есть? — паста, пепел, дурман.
Просто нечто болимое, некий болящий туман.
А ты грозно курлычешь, как старый мальчиший
турман.

Ах, душа моя тлеет и кровь чуть тепла —
Потом вышла любовь и зеленой луною взошла.
Давай же прижмемся скорей к Петропавловскому
кресту —

Он розовому телу меди вернет чистоту.
Что же чувствует жертва, когда она видит алтарь?
Ах, сама она чует — что кого-то прирезала встарь,
И кому-то тогда было слаще еще и больней,
Жизнь пришла и ушла — и все это было не с ней.
Позови ты ее — она снова промчится в ничто,
Только кровью и жиром забрызжет пальто.
И пока нам другая не подана весть,

Будем горькую землю оловянною ложкою есть.
Как режет до края налитый конъюнктивитный
мешок —

Сколько слез в нем зашито, да высохли все
в порошок.

Как подробна поверхность резного листа —

Жилка, здесь впадинка, острый зубец —

А небес стихия проста.

А для малой вещицы — ювелира резец.

Бесформенность души — залог вечности.

Так не будь же подробным — ужасный наступит
конец!

Вот хоть глаз — кто его для примера возьмет —

Жилка алая трижды меняет течение.

У Творца столько глины — он лепит и мнет,

Не устанет от вечного круга верченья.

О подари — хоть кислым молоком

Косматых коз, запрятанных в шиповник,

Монетой ржавою, где грубым молотком

Навеки выдавлен серебряный любовник.

Он мог бы быть возлюбленным луны,

Бессмертным и прекрасным непонятно,

Когда б не эти — едкой кислотой

Крестообразно съеденные пятна.

Они и бывших ангелов язвят,

Когда уже им нет пути назад.

НОВОСТРОЙКИ

Небо недозрелой дыней
На кладбище навалилось —
На конце трамвайных линий
Столько жизнью растворилось.

Где город на излете,
Заплаканные блоки,
В грязи уснувший ботик

И мутных рек истоки —
Унылую окраину — ох нет! —
Я не любила —
Она летит, подрана,
Она скользит уныло.
(Их много — сереньких сестриц —
Вкруг городов растет,
За ручки все они взялись
И водят хоровод.)
Уныла, как Палестина
Времен Рождества —
Так униженна местность, смиренна.
Может, снова среди грязных и розовых стен
В пятнашки играет Христос.
Но здесь не нашел бы Марию архангел,
Он заблудился б среди блоков и луж
без названья,

Бедный угодник,
А ее бы пока изнасиловал плотник.
В мутной луже девица стоит,
Прекрасная, как грозное облако.
Ах, зачем на закате, Сусанна, ты влезла туда?
Старцы все забивают козла
И не смотрят они на тебя.
Льется дождь золотой по крыше.
Бог нас здесь не найдет, не услышит,
И побрезгует черт.
Только желтая травка все выше,
Запинаясь, растет.
Скользят тени, тень за тенью,
Среди тумана, сора, лома.
Этим все ж благословенны
И спасете нас от тленья —
Научили вы смиренность,
О коробки Вифлеема!

МОИСЕЙ И КУСТ, В КОТОРОМ ЯВИЛСЯ БОГ

О Боже — Ты внутри живого мира
Как будто в собственном гуляешь животе.
В ужаснувшемся кусте
Пляшут искорки эфира.
Как скромн ты!
Каким усилием воли
Ты помещаешься в одном кусте — не боле.
Как ты стараешься себя сгустить —
И ангелов Тебя поддерживают крылья,—
Чтобы нечаянным усилием
Всего Творенья не спалить.
Куст по Твоим законам жил,
Их затвердив как всё, как все —
По осени он цвел дождем
И сыпью розовой по весне.
Необжигающим огнем
Теперь осыпан, как во сне.
Бог Авраама, бог Иакова,
Творец и крови и Венеры,
Тебе не надо светлой Авеля
Души. Ты ищешь не любви, а веры.
Но только внутреннюю силу...
Вот Моисей — он прям и груб.
Его, конечно, до рожденья
Уже Ты пробовал на зуб...
Вот Бог уходит на Восток.
Такое чувство у куста —
Как будто выключили ток,
Как будто плоть его пуста.
Приходит ангел — он садовник,
Он говорит, стирая пыль с куста:
Расти, расти, цветы, терновник,
Еще ты нужен для Христа.

СОНАТА ТЕМНОТЫ

1

Друг друга заражая, тьмой
И злобой всех мы опоили.
Как вирусы — мы в мир иной
Переползем с котомкой гнили.

Ах, что того за гробом ждет,
Кто, не избывши злобы,
Врагов бессильно проклянет —
Ах, чтоб им... чтобы... чтобы...
Последняя вскипает желчь,
Обида, боль и зависть,
Душа должна была все сжечь —
В прощенье переплавить.
И как с пчелы, возьмет с тебя
Князь мира темный взятки,
В реторты мечет он гроба,
Потом трясет осадок.
Как слиток, он тебя возьмет
И взвесит на руке,
В пыль черную тебя столчет
В зловонном погребке.
И эту пыль сюда в юдоль
В другие вдунет души,
Пусть та же мучает их боль
И злоба та же душит.
Гляди — весь свет на небесах,
Чернея, туча гонит,
И смрадной каплей в облаках
Душа твоя потонет.
Не обижайся на Творца,
Ты не помог ему в работе,
Сиянье скрыло пол-лица,
А пол-лица — душ наших копоть.

По ночам — когда бесы с сетями идут
на ловитвы
И сияют щитом и дробятся слезами молитвы —
Так бывает, что малый бесенок,
Чей хвостик так жалок, а голос так тонок;
Припадает в слезах к Тебе
И от дьявола хочет отречься,
Хоть боится крестом ожечься —
Осеняет, дымясь, грудь себе.
Он тянет лапку с коготками, плача, к небу —
Но червь не станет яблоком,
А уголь подземный — снегом...
Ты его прогоняешь прочь,
Воротится в свой хлев скотинка,
Под отцовские розги — в ночь,
Потому что он ночи пылинка.
Потому что своим Ты
Все простишь, как Петру, а тем —
Пусть невинны, но сами темь —
Не простится грех черноты.
И кого Ты проклял, Господь,
Тот уж может не мучить плоть,
А кого от рождения спас —
Хоть бы весь он в грехах погряз,
Пусть и весь он растлением выпит —
Ты пошлешь искупления час —
Как послал Ты блуднице Египет.

Когда мы закрываем веки
Трепещущих и смертных глаз —
Они, как переборки на отсеки,
Поделят тьму вовне и тьму, что внутри нас.

Из сборника
«ОРКЕСТР»

ЗВЕРЬ-ЦВЕТОК

Иудейское дерево цветет
Вдоль ствола сиреневым цветом.

Предчувствие жизни до смерти живет.
Холодный огонь вдоль костей обожжет,
Когда светлый дождик пройдет
В день Петров на изломе лета.
Вот-вот цветы взойдут, алая,
На ребрах, у ключиц, на голове.
Напишут в травнике: *Elena arborea* —
Во льдистой водится она Гиперборее,
В садах кирпичных, в каменной траве.
Из глаз полезли темные гвоздики.
Я куст из роз и незабудок сразу,
Как будто мне привил садовник дикий
Тяжелую цветочную проказу.
Я буду фиолетовой и красной,
Багровой, желтой, черной, золотой,
Я буду в облаке жужжащем и опасном —
Шмелей и ос заветный водопой.
Когда ж я отцвету, о Боже, Боже,
Какой останется искусанный комок —
Остывшая и с лопнувшею кожей,
Отцветший полумертвый зверь-цветок.

НОВОСТИ ДНЯ

На Спасской полночь бьет,
В России день прошел,
Одеяло до Урала снег связал,
В Хабаровске уже опохмелились,
Сергей Владимыч фугу написал,
И заявленье подал Пейсюкович,
И внуки его будут Пэсикó —
Роже и Шарль, премилые французы,
Им кровь пророков будет не в обузу
И в галльской растворится так легко.
Завод резиновых изделий,
В долине круглой потонувший,
План выполнил, трубой вздохнувши,
Спокойно отдался метели.
Мильоны пульсов, слившись в гул,
Согласно эти сутки отсчитали,
На новые пошли, и кто уснул,
А те — еще мильон зачали...
А разговоры — выставки, весна,
Пятьсот самоубийц уплыли в небо,
Зубок прорезался — болит, болит десна,
По булочным поля развозят хлеба.
Что ж — дальше жить земле терпенья хватит,
И солнце ненамного охладело.
Сапог примерил свеженький солдатик:
Пусть жмет — служи, а мне так надоело —
В мильярде моих клеток, в их песке
Служить тому, сему в тоске.
Мы — мира кубики, частицы,
И нами снится то, что снится.
Не ведая, мы источаем опись
Событий, дат и прочих пустяков,
Но выжмут спирт из муравьев.

Цап — рацию из облака украдкой
И шифром передам, настроясь на волну.
Россия крещена, я занозила пятку
И Атлантида канула ко дну.

* * *

В моей душе сквозит пролом,
Туда, кружась, влетает вечность.
Я упаду горячим лбом
На скатерти большую млечность.
Так мужественно начала
Я было делать хакакири,
Но позабыла, что была
Слабее всех я в этом мире.
Царапина — и нож отброшен,
Я зажимаю тряпкой рану,
И крови полные пригоршни
Мне видеть холодно в тумане.
Не помогай, не подходи,
Хотя бы я о том молила.
Ты только издали следи,
Как боль в глаза мне ужас влила.
Не помогай, не подходи,
Не то и ты скользнешь со склона.
Как корчусь — издали следи,
Как пальцы, локти в смерти тонут.

**НАТАЛЬЯ ШИШИГИНА —
ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ПРОЯВЛЕНИЯ ДУХОВ,
ПЕРЧАТКА И ТЕЛЕФОН**

— Здрасьте.

Черепаша бронзовой люстры,

Высокие зеркала.

Все замахали — тише! Не разбудите, тише.

Она давно уж впала в транс.

И впрямь. Лет сорока, а волосы седые,

И в старомодном плюшевом жакете,

Глаза полузакрты, белки сочатся мокреньким
рассветом,

Рука, мучительно отогнутая вверх,

Строчит на листике, лежащем на затылке.

Терентьев рядом — сухой, в очках, с отвислою
губою,

К ней наклонен, как бы вампир влюбленный.

Листок забрал. Она так часто дышит.

Читает он: «Как в тесное ущелье,

Мне в медиума трудно так войти...

Мне хорошо... я близко... я далёко...»

Терентьев за плечо ее схватил

И прошипел: «Кто ты? Скажи скорее».

Шишигина покрылась белым потом

И басом низко спела: «Аввакум».

Терентьев задрожал, подумал: «А Настасья?»

«Со мной моя Настасья», — говорит.

«Вам хорошо там?» — «Хорошо. Довольны.»

«Sic!» — в сторону Терентьев говорит.

«Нам хорошо. Но тут меня теснит

Какой-то отрок. Новенький, должно быть.

Я помогу ему, ведь трудно без сноровки

Нам в медиумов этих залезать,

Как в ненадеванную узкую перчатку.»

Бас замолчал и слабый голос мальчика звенит:
«Я Саша, мама! Видишь ли меня?»
За сердце дама в черном тут схватилась.
«Я Саша, мама! Видишь ли меня?»
Я рядом справа от тебя,
Ну протяни мне руку, и увидишь.»
Она рукой хватает голый воздух
И дышит громко, вся позеленев.
«Не видишь, нет? Ну, значит, и не нужно,
А я тебя так вижу хорошо.
Не плачь, я стал другой... совсем другой.
Ты та же... я... я всем чужой.
Приемник мой не отдавайте Коле,
Пусть подрастет, а то сломает только.
Мне хорошо... Скажите Наде,
Что я другой, что это все равно.
И пусть не плачет. Трудно... я потом.»
Несчастливая упала на пол дама.
Терентьев: «Тс-с. Еще что скажешь, Саша?»
«Устал... Потом... Я больше не могу...»
Шишигину Терентьев разбудил.
«Устала, как мешки таскала. Являлись, что ль?»
«Устала, бедная — гостей-то было двое,
На, выпей-ка скорей чего-нибудь.»
А дама воду пьет и шепчет все одно:
«Он сам его собрал и очень им гордился.»
И плачет.
В волненьи чаю молча напились,
Шишигиной кагорю наливали.
И разошлись.
Ужели вправду мертвые так рядом,
Что видят нас и с нами говорят,
И те же мысли, те ж у них забавы?
Нет, нет! Душ отлетевших путь иной...
О Боже! Я хохот злобных бесов слышу,
Шпионов нашей жизни праздной,

Безжалостных, дурашливых и ловких,
Блуждающих, летающих повсюду,
Свои поганые нетленные тела
Сквозь наши — бранные — они проносят,
Напиток глупости надменно пьют
И тычут пальцами в Твое творенье.

ВОСПОМИНАНИЕ О СТРАННОМ УГОЩЕНИИ

Я отведала однажды
Молока своей подруги,
Молока моей сестры —
Не для утоленья жажды,
А для вольности души.
Она выжала из груди
Левой в чашку молоко,
И оно в простой посуде
Пело, пенилось легко.
Оно пахло чем-то птичьим,
Чем-то волчьим и овечьим,
Больше вечным, чем путь Млечный,
Было теплым и густым.
Так когда-то дочь в пустыне
Старика-отца поила,
Став и матью ему.
Силой этой благостыни
В колыбель гроб превратила,
Белизной прогнала тьму.
Из протока возле сердца
Напоила ты меня —
Не вампир я — ой ли — ужас —
Оно пенилось, звеня,
Сладким, теплым, вечным, мягким
Время в угол, вспять тесня.

СИРИУС И ПЬЯНИЦА МЕНЯЮТСЯ МЕСТАМИ

Менял свой цвет, как будто голосил,
Зелено-красный — и разрезал очи
Лежащему среди осенней ночи
В подмерзшей луже. Тот проговорил:
«Зачем ты бьешься, злое сердце ночи?
Зачем мне в око блеск вонзил?
Я спал и жизнь свою забыл.
Ты, Сириус, дрожишь, и я дрожу,
И оба мы во тьме, в морозе.
Ты, Люцифер, подобен алой розе.
Раскрыв, как устрицу, мой глаз — ножу.
Я, Сириус, с тобою говорю —
О Сотис, низкая и злая.
Тебе известна жизнь иная,
Но ты не знаешь пустяков —
Разверстку невских лопухов,
Колодцы глаз, колен коробки.
Пожил бы ты с мое, Серко,
С мое повышибал бы пробки...»
И кажется ему, что он
Внезапно в небо вознесен,
И там, в пространстве бесконечном,
Живой звездой пятиконечной
Дрожит в своем пальто зеленом,
Кружась с прохладным тихим звоном
В созвездьи Пса, под Орионом.
А бывший — никому не нужен —
Околеваает в грязной луже.
А вот тебе! Не знал — узнай,
Что есть на свете и похмелье.
Справляй же, Сириус, справляй
Свое земное новоселье.
О сердце ночи, облекись

В людскую плоть, в забытую обнову.
Антихристом не станешь, не тянись —
Ах, Сириус — майором, кошколовом
Иль мясником —
Как жизнь, он пахнет кровью.
Он фосфорическое око
Все к небу будет поднимать,
И там, во тьме, с невнятной любовью
Сияющего пьяницу искать.

ТАНЦУЮЩИЙ ДАВИД

И. Ясногородской

Танцующий Давид, и я с тобою вместе!
Я голубем взовьюсь. А ветки, вести
Подпрыгнут сами в клюв.
Не камень — пташка в ярости,
Ведь он — Творец, Бог дерзости.
Выламывайтесь, руки! Голова,
Летай из левой в правую ладонь.
До соли выкипели все слова,
В Престолы превратились все слова,
И гнется, как змея, огонь.
Трещите — волосы, звените — кости!
Меня в костер для Бога щепкой бросьте.
Вот зеркало — граненый океан —
Живые и истлевшие глаза.
Хотя Тебя не видно там,
Но Тыисишь в них, как слеза.
О Господи, позволь
Твою утишить боль.
Нам не бывает больно,
Мучений мы не знаем.
И землю, горы, волны
Зовем как прежде — раем.
О Господи, позволь
Твою утишить боль.
Щекочущая кровь, хохочущие кости,
Меня к престолу Божию подбросьте.

Из сборника
«РАЗБИВКА ПАРКА
НА БЕРЕГУ ФИНСКОГО ЗАЛИВА»

**ДЕВА ВЕРХОМ НА ВЕНЕЦИЙ,
И Я У НЕЕ НА ПЛЕЧЕ**

И склады по краям, и Альпы вдалеке.
В дождь, льющий слезы обожанья,
И я мешалась — в старости, во сне,
В твоих застиранных дворцах блужданья.

Синий пятнает красный, а тот — зеленый,
Все полиняло, промокло, заплесневело,
прогнило.

Дева, кружась, упадет на дно морское
На Венеции — заплеснелом моем крокодиле.

Собрались отовсюду люди —
Все свои прегрешенья на Деву кидали,
И Венецию ей подвели и взнуздали —
В жертву лошадь прекрасную, лошадь
морскую.

Для того и явилась она на свете,
Чтобы все грехи забрала с собою —
И, кружась, на Венеции мокром тритоне,
Она упадет на дно морское.

Как на растленном чьем-то мозге —
Верхом на груди черепиц
Вниз — вот она — с лицом в известке
Мгновенно-медленно скользит.

Внезапно сделавшись старухой,
Нагая, в черных кружевах,
Она ядром несется глухо
И шпорит пятками канал.
С российским кладбищем в ладони,
Ногтями впившись в Арсенал,
На студне, изумруде, на тритоне.

Дева, все грехи приявшая,
Раздулась, как вампир в гробу,
И я — свои в дорогу взявшая —
Узелком вишу на ее горбу.

А Сан-Марко блеет ягненком нежным,
Розовой кожей светясь.
И летим с великаншей, кренясь.
Тут схватила она, чтоб не страшно лететь,
Фейерверка угасшего бледную плеть.

Разве я блудила, лгала, убивала?
Налетели грехи отовсюду, как чайки,
Как огрызок хлеба меня расклевали.
Да, я все это делала. Дно летит, разгораясь,
навстречу —
На ракушке, на моллюске резном упадаю
в темные дали,
Закрыв глаза и вцепясь в великаньи плечи.

Венеция, ты исчезаешь
Драконом в чешуе золотой,
Под волны синие ныряешь,
Вся — с цвелью и зеленой тьмой,

Ты расползаешься уныло
Старинной золотой парчой,
И так уже ты вся остыла —
Тебе и в волнах горячо.

Вот и я на плечо ей, что птица, взлетела,
Чтобы ноши черной побольше взвалить,
И мы втроем через море — из мира
Летим, чтоб ее развеять, разбить.

И когда мы вживили в этот мрамор лиловый,
Потемневший в дыхании долгих веков,
Кровь живую и жилы натужно-багровы,
И нечистоты общих грехов,—

Там — высоко — в космической штольне
(пролетев через шар насквозь),
Там — Творец пожалеет очерненные камень
и кость.

Мрамор с грязью так срошены, слиты любовно —
Разодрать их и Богу бы было греховно.
Может быть, и спасется все тем — что срослось.

ЭЛЕГИИ НА СТОРОНЫ СВЕТА

1 (северная)

М. Ш.

По извивам Москвы, по завертьям ее безнадежным
Чья-то тень пролетала в отчаяньи нежном.
Изумрудную утку в пруду целовала,
Заскорузлые листья к зрачкам прижимала,
От трамвая-быка, хохоча, ускользала
И трамвайною искрой себя согревала.

Зазывали в кино ночью — «Бергмана ленты!»,
А крутили из жизни твоей же моменты
По сто раз. Кто же знал, что ночами кино
арендует ад?
Что, привязаны к стульям, покойники в зале сидят,
Запрокинувши головы смотрят назад?

Что сюда их приводят, как в баню солдат?
Телеграмма Шарлотте: «Жду. Люблю.
Твой Марат.»

Скинула семь шкур, восемь душ, все одежды,
А девятую душу в груди отыскала —
Она кротким кротом в руке трепетала,
И, как бабе с метлой, голубой и подснежной,
Я ей глазки проткнула, и она умирала.

Посмотри — небосвод весь засыпан, и сыплются
крылья и перья.

Их неделю не выместь, зарыться навеки
теперь в них.

Посмотри — под луной пролетают Лев, Орел
и Телец,

А ты спишь, ты лежишь среди тела змеиных колец.
Где же ангел? — ты спросишь, а я ведь

тебе и отвечу:
Там, где мрак, — там сиянье, весь мир изувечен.

Мраком ангел повился, как цепким растеньем,
Правь на черную точку, на мрак запустенья.

Правь на темень, на тьму, на утесы,
на смутное — в яму.

В прятки ангел играет — да вот он! —
в земле, под ногами.

Он не червь. Не ищи его в поле ты роясь.
Видишь — светлые птицы к зиме пролетают
на полюс?

Посмотрела она, застонала,
И всю ночь, о зубцы запинаясь, летала.
И закапала кровью больницы, бульвары, заводы...
Ничего! Твоя смерть — это ангела светлого роды.

2 (южная)

На мраморную статуэтку

И. Бурихину

Девушка! Вы что-то обронили?
Ах, неважно. Это так — ступня.
Как перчатка узкая. И пылью
Голень поразвееялась, звеня.

И глядя на вас, я хватилась себя —
Нет старой любви, нет и этой зимы,
И будущей — только на мачте огонь
Горит синеватый. Да ревы из тьмы.
Да стаи ладоней кружат надо мной,
Как чайки, и память уносят, клюют.
И тьма костенеет, и скалы хрипят,
И ткань будто близко и яростно рвут.
И жизнь расползается в масляный круг —
А точкой болимой была. Обломки плывут.
Скажи мне, родимая, — я ли жила
На свете? В лазури скользила, плыла?
Изумрудную травку с гусыней щипала, рвала,
И мы с нею шептались — ла-ла да ла-ла?
В луже вечность лежала, и я из нее и пила.
Разлилась эта лужа, как море, где в волнах —
ножи.
Они рубят и режут. О долгие проводы — жизнь!
А ведь Бог-то нас строил — алмазы
В костяные оправы вставлял,
А ведь Бог-то нас строил —
Как в снегу цикламены сажал.
И при этом он весь трепетал, и горел, и дрожал,
И так сделал, чтоб все — трепетало, дрожало,
гудело,

Что ж! Пойду погляжу цикламены в трескучем снегу,
И туда под стекло — пташкой я проскользну, убегу.
Да и всякий есть пташка на ветке поюща,
И никто его слушать не хочет, а он

разливается пуще.

Золотым опереньем укроюсь погуще.

Погадай, погадай на кофейной мне гуще.

Потому что похожа на этот я сдохший напиток,

Потому что я чувствую силу для будущих пыток.

Боже, чувствую — на страну я похожа Корею,

Наступи на меня, и я пятку тебе согрею.

Боже, выключи зерно из меня поскорее.

Солью слез Твоих буду и ими опьюся.

Всяк есть пташка поюща — так хоть на него

полюбуйся.

И сквозь снег, продышав, прорастает горячий

цветок.

Позвоночники строем летят на Восток.

Форма ангела — ветер, он войдет незаметен.

Смерть твой контур объест, обведет его четко —

Это едкое зелье, это царская водка.

И лети же в лазури на всех парусах,

Форма ангела — ветер, он дует в висках.

4 (западная)

Н. Гучинской

На Запад, на Запад тропую теней

Все с воем уносит — туда, где темней.

Обноски и кольца и лица — как шар в кегельбане,

Как в мусоропровод — и все растворяет в тумане.

Так что ж я такое? Я — хляби предвечной сосуд,

Во мне Средиземное море приливом, отливом

мерцает.

Я уши заткну и услышу — что в ракушке шум,

И сохнут моря и сердца их.
А что остается на сохнущем быстро песке?
По пальцам тебе перечислю в тоске:
Моллюски, и вирши, и слизи, и локон.
Но вот уж песок, подымаясь, зачмокал.
Человеческий голос, возвышаясь, доходит до
птичьего крика, до пенья.
Ах, вскричи будто чайка — и ты обретаешь
смиренье.

Я и так уже тихая до отвращенья.
(Цветы от ужаса цвели, хотя стоял мороз.
Антихрист в небе шел — среди облаков и звезд,
Но вот спускаться стал и на глазах он рос.
Он шел в луче голубом и тонком,
За ним вертолеты летели, верные как болонки.
И народ на коленях стоял и крестился в потемках.
Он приблизился — вечный холод струился из глаз,
Деревянным, раскрашенным и нерожденным
казался.

Нет, не ты за нас распинался!
Но он мерно и четко склоненных голов касался.)
Все с воем уносит — и только святые приходят
назад.
(Вот Ксения — видишь? — босая, в гвардейском
мундире до пят.
Кирпич несет Ксения, и нимб изо льда полыхает
над ней.)

Все ветер уносит на запад тропюю теней.
Все стороны света надорвали пространство крестом.
Как в трещащем и рвущемся ты устоишь, на чем?
Лучше в небо давай упорхнем,
Туда — на закат, где бледна Персефона
С отчаянием смотрит на диск телефона.
Где тени и части их воют и страждут —
Граната зерном утолишь ты и голод и жажду.

ДВА АСПЕКТА

I

Вот не думала, что доживу, дождю
До подгнивших слив в дрожжевом саду,

До августовской поворотной ночи, когда
Червь не минует ни одного плода.

Хоть еще далеко до злых холодов,
Но дубеет уже кожа нежных плодов.

В зрелости и разложенья пьянящем соку
Юным уснешь, а проснешься со смертью
в боку,

Со старостью, ноющей в кончике языка.
Громко она закричала, проснувшись в горах.

И несемся мы с нею друг другу навстречу,
Меняя глаза на глаза, плечи на плечи...

II

До того, что буду скользить меж звезд,
Волоча сиреневый скользкий хвост,

Что станет ясной, морозной моя голова,
Но хмельные прорастут из меня слова,

Как из щелей дионисовой лодки — лозы,
И вылетят из меня, торопясь, стрекозы.

* * *

Судьба плетет помельче сети,
Чтоб в них позастревали дети,
Но я... я вырвусь из сетей.

Я родилась с ладонью гладкой,
С ладонью ровной манекена —
Цыганка мне не нагадает
Казенный дом или измену.
Не нагадает мне любви,
Не напророчит мне разлуки —
В высоких складах синевы
Мне не хватило бечевы,
Когда ее вживляли в руки.
Ладоней мне не разрезали
И звезд на них не начертали,
Не рисовали линий в них,
Нет для меня любви и смерти,
И встреч неожиданных роковых.
Ко мне ночами прилетает
Мой фатум с тяжкою сумой,
Набитой до краев потраченной судьбой,
Царапает бессильно мне ладони
И, подвывая, в свете синем тонет
Мой рок невидимый, голодный,
мой чужой.

В ОТСТАВКЕ

Идет гвардеец, как на битву.
Судьба дрожит, манит — иди.
Шагает он, творя молитву,
И вот — мерцанье впереди.
Она! И третий глаз качнулся из рубина.
«Войди», — ему сказала Катерина.

Чрез десять лет — в задушенной малиной
Усадьбе — он зовет себя скотиной,
И кроткую дубасит он жену,
И вопиет, что любит он одну.
Кричит он в ночь безглазую, тоскуя, —
Ту старую, ту мертвую такую,
И юного себя, и царственный живот,
И золотом ее струился пот,
Ее объятий медленную тину.
(Императрицу приобняв нагую,
Он ей признался — любит он другую.
И, побледнев как новая перина,
«Женись», — ему сказала Катерина.
Была на свадьбе крашеной павлина).

Теперь казись, язвись же, дурачина.
Зрачок сиял тяжелый, как держава,
И в унижение оживала слава,
И как страна, она внизу лежала —
Ее уж не скрывало одеяло.
Завивы вены, как изгиб реки,
Как рыбой полный серебристый Дон.
Урал пересекал ее ладонь,
Алмазные струились позвонки,

Торчали зубы острою короной.
Империя ли может быть влюбленной?

И можно ли обнять страну,
Обнявши женщину одну?
И если мысленно продолжить
Ее раздвинутые ноги
(О ты, завершие равнин!),
То под одной пятой — Варшава,
А под другую — Сахалин.

КОСТРОМА-ДИОНИС

(реконструкция мифа)

В краях ингерманландских,
Где все педужны, все,
Катится Стрибог властный
На черном колесе.

Зеленые боги, славянские боги
Проснулись весной холодной
(Они топотали, сверкали их роги)
Стадом пьяных слонов голодных.
Шептались они и кружились,
Вертелись они все быстрей:
Праздник праздников,
Радость радостей,
Кровь и золото,
Царь царей.

Помню — взалкала хладная Мара
Крови отрока Костромы,
Шла за ним то волчицею старой,
То змеей выползала из тьмы.
И прикинулся он девицей,
Смотрит в речку — узнать ли кому?
Налетела, одетая птицей,

И проткнула печень ему.
Закричали тут старые боги,
(Было много их, диких, родных)
И ногами они топотали,
И воскрес он от топота их.
Встали кругом они над ним,
Он воскрес — но в подземной печали,
Юным, светлым, глухим и немым.
И пришли времена тут строги —
Что-то прынуло с неба, с земли,
Зарычали грозные боги
И под ноги церковей легли.
И поют они, лежа под спудом,
Под белым камнем церковей:
Праздник праздников,
Радость радостей,
Кровь и золото,
Царь царей.

Боги древние, вы стали ныне
Лешими и домовыми,
Рыболовами ночными — водяными,
Все не приискать вам домовину.
Размазал по лицу малину леший,
На месяц полный он вопил,
Он выпью — тварью был безгрешной.
— О выпей, Луно,— он молил.
Под локти лунь и выпь вели
Его домой — под корни — вниз,
И Кострома поел земли,
Славянский тихий Дионис.
И соловьем пропел вдали.
Помнят это только корни сочных трав —
Рогоз, аир и осока,
Да злые птицы во тьме дубрав
О Велесе в лесе вопят высоко.

В ночи волглые
Воет воинство
Зеленявок, волосарей:
Радость радостей,
Праздник праздников,
Кровь и золото,
Царь царей.

ЦЕРКОВЬ В АНДРОННИКОВОМ

О звезда моя — после разлуки
Ты опять проломила окно
И просыпала тонкие руки
В сердца влажное полотно.

Может быть, ты хотела, уверяюсь,
Что там нет ничего — пустота,
Влить зеленую тонкую ересь —
Обожание злого хвоста.

Иль хотела она нащупать,
Будто крючник, добычу лучом,
И потом ее выдернув грубо,
Сделать вид, что она не при чем.

Вынуть, выдрать она хотела
Нечто, забытое до сотворенья,
Что-то зарытое в хаосе тела —
Зеркало, вервие или коренья.

Я в Москве, в самом сердце московском
Камень вшитый нашла,
Кость округлую, серу, известку,
Проще ж — это церквушка была.

Или это кусочек ключицы,
Или частица древних колен.
Она и твердеет, она и светится,
Потому что Москва — андроген.

И я взмолилась — не убивай,
Есть — ты видишь — меня древней,
Ящер невидимый, что ли, в ней,
В трубочку свернутый рай.
В полночь дверь отворю в тишине —
В тонком пламени светлых пелен
Там стоит, прислонясь к стене,
Босиком на промерзлых камнях,
В забвении древний царь Соломон —
Со своей головою в руках.

Из сборника
«КОРАБЛЬ»

ПАМЯТЬ О ПСАЛМЕ

О. Седаковой

Вот сижу я при реках своих Вавилонских,
Вот я плачу (ли плачу?) над Черною Невкой,
Низко арфу повесив на иву, обнявшись
С жизнью — верткой пиявкой, ухабистой девкой.

Вот стою над обрывом, над свиваемой в клуб
темной.

Это чистым все слышно, это чистым все видно,
И пути их прямы — кресты,
Я ж по кругу вращаюсь в рулетке безвидной —
По бельму слепоты.

Возведи меня на гору, Бог мой простой!
Ты послал меня вниз, как солдата на битву,
Я же сжился с вдовицей на долгий постой —
С красноглазой, не знавшей отрады молитвы,
С жизнью слепенькой сжился душой холостой,
Возведи меня на гору, Бог мой простой!

Пронеси меня вкось над долиною
Ингерманландской,

Покажи мне равнины болотистый прах,
Где осока, где бесы в своем окаянстве
Держат слезные токи в подземных ключах
И замкнули там наглухо. Надо бы, надо бы
Зарыдать, утопить бы слепую старуху в слезах
И по Финскому морю печали и жалобы
В тихо тонущих плыть кораблях.

* * *

Как эта улица зовется — ты на дощечке прочитай.
А для меня ее название — мой рай, потерянный
мой рай.

Как этот город весь зовется — ты у прохожего
узнай,
А для меня его название — мой рай, потерянный
мой рай.

И потому что он потерян — его сады цветут еще,
И сердце бьется, сердце рвется счастливым
пойманным лещом.

Там крысы черные сновали в кустах над светлую
рекой —
Они допущены, им можно, ничто не портит рай
земной.

Ты излучал сиянье, даже заботливо мне говоря,
Что если пиво пьешь, то надо стакана подсолить
края.

Какое это было время — пойду взгляну
в календари,
Ты как халат, тебя одели, Бог над тобою и внутри,
Ты ломок, тонок, ты крошишься фарфоровую
чашкой — в ней
Просвечивает Бог, наверно. Мне это все видней,
видней.

Он скорлупу твою земную проклеывает на глазах,
Ты ходишь сгорбившись: еще бы — кто на твоих
сидит плечах!

Ах, я взяла бы эту ношу, но я не внесена в реестр,
Пойдем же на проспект, посмотрим —
как под дождем идет оркестр,
Как ливень теплый льется в зевы гремящих труб.
Играя, вниз

С «Славянкой» падает с обрыва
мой Парадиз.

* * *

Когда за мною демоны голодные помчались
Косматыми и синими волками,
Ах, что тогда мне, бедной, оставалось —
Как с неба снять луны холодный камень
И кинуть в пасть им — чтоб они взорвались.

От блеска взрыва вмиг преобразились,
Ягнятами ко мне они прижались
(Я рядом с ними теменью казалась)
И даже шерсть их снежная светилась,
И я их сожрала — какая жалость!

Я стала рядом с ними великаном —
Сторуким, торжествующим в печали,
По одному брала, рвала и ела,
Они же только жалобно пищали.

Но я им говорила — не вопите
И ничего не бойтесь. Вы
Там, в животе, немного полежите
И выпрыгнете вон из головы.

Но светом их набив свою утробу,
Сама я стала ясной и двурукой,
И новых демонов семья в голодной злобе
Учужала меня. Все та же мука.

В ПОЛУСНЕ

Оплели меня легкие сны, оплели,
Нежной, цепкой, тугой повиликой под кожу
вросли,
Я проснусь, поищу третий бок,
Плеть с виска сорву, белый цветок.

В полусне становлюсь я простой, шаровидной.
То стою на мысу, то латыни глаголы учу.
На сердце — крест, на животе — звезду Давида,
И листья клевера — под ложечкой черчу.

ВОРОНА В МОНАСТЫРЕ

Е. Пазухину

Слез розоватых жемчуг,
Горький, окатный, светлый,
Стукающий друг о друга,
Высыплю в море стакан.

Долго, долго летела над морем синим
И поселилась над монастырем,
Сена, трухи натаскала и глины,
Дом утепила тряпьем.

В круглом гнезде беспокойно:
Что́ я — тонкая кость и перья...
Издали слышится пенье,
Светят алмазные старцы.

Мило — с высокой березы,
С темной ветки
В одежде вороны
Вниз
На двор монастырский
Глядеть — на шепчущих братьев,
Черных таких же, как я.

На денное их круженье,
На быстрое их поспешенье
И на суровость их.
О, как в сырые ночи
Кругло они поют!

Они ходят по кругу грачами,
Будто ищут в земле червяков,
Только бес вдруг зыркнет с печалью
В небо снежным бельмом без зрачков.

На оперенной груди
Крест крылом начерчу
И в братнее это вращенье
В темном куколке слечу.

Лечу я кругами и вижу:
Ворота, свечи, река.
Немотствующую рыбу,
Немого над ней рыбака.

Вниз тяжелою силой влекома —
И хочу я подняться к дому —
А уже не могу, не могу.
Звезды грубо глаза посолили,
Крылья вянут и изменили,
А ноги растут на бегу.

И когда я спускаюсь ниже,
Становлюсь я как все, как все,
И клюв свой упрятав в перья,
Ступаю средь ряс в росе.

Бреду среди иноков иннок босой,
Будто тоже — ограда и столп,
И темная узкая церковь
В тонкокостный ударится лоб.

Кланяюсь я и молюсь, а старец
(В жилах у него золотая пыль)
Говорит: «Над усопшим братом,
Брат, прочти вдогонку псалтырь».

Но из горла клики и клекот
И черных засохших цветов поток.
И тогда я, кусая крылья,
Бегу из церкви наискосок.

Слышу крики я: «Старче, что ты!
Это новенький, глухонемой» —
Но уже я вприпрыжку и летом
Возвращаюсь домой.

Во тьме промозглой весною светло,
Катится круглое пеньё —
Белое колесо, темные спицы.
Протягиваем крыло
И носим в ночи — мы, птицы,
Витое высокое пеньё,
Впрягшись в его колесницы.

* * *

Глухонемой и взрослый сын
У матери — один.

Вот он сидит и жадно ест,
А если хлеба хочет —
Кричит
Как дряхлый кочет.

Весь
Густо бородатый,
Как мертвецом зачатый.

И только матери он мил,
Когда услышала звонок
Вся просияла — ты, сынок,
А он в ответ ей — мы, мы, мы-ы.

Мы не рабы и он не раб,
Его прогулка за спиной
Стоит, как призрачный корабль,
Подавленных желаний ряд,
И девочки, и мотыльки.

«Она рванулась... зря... я руку
Сжал этак вот... А после, после в речку».
Все это матери он яростно мычит,
А та, кивая, зажигает печку.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ НА ОСОБЫЙ РАСПЕВ

1

Горькая ты, любовь,
Сердце измучено в кровь,
Птичьим гнездом темнеет.
Разум щебета полн
Голодных немолчных птиц.

В черной ракушке Бог
Спит под звездой морей,
В соли, серебре розовеет.
Жалко, жалко любимых всех,
Спрятала б их в живот,
Только тленный и он.

Плюньтесь зрачками, глаза,
К морю во тьме летите,
Плачьте там над теплою тенью,
Над посинелой любовью,
Слабой сestroю смерти.

Прут раскаленный возьму,
Язву души прижгу,
Смерти нет вообще,
Жизнь неизводна в нас.

Будто клейменный зверь,
Станешь себя уносить.
Кинешься в море рыбой,
Вынут — крюком за губу.

Раскалю кочергу,
Поставлю ее на лоб.

Буду прыгать в горах,
Буду богов ворошить,
Буду бессмертных язвить —
Знайте же, знайте боль,
Что во юдоли цветет.

2

Осенний человек —
Трепещут листья,
Осенний человек —
Вздыхают гроздья,
Когда срезают
Их ножом
Кривым наотмашь,
Когда целуют пятки,
Что их давят.
Я вижу — что земля уже созрела,
Она уже лиловым соком брызжет.
Все языки Господь наш понимает —
Из ягоды шепчу, а он все слышит,
Сквозь кожицу меня Он различает.
Пора, пора
Пролиться
Алым соком,
Пора, пора
Бродить
В дубовой бочке.
Пора, пора
Созревшему в давилню,
Пора, пора
Плескаться в медной бочке
И мне — созданию
Темному, земному,
Из мякоти, и косточек, и яда.
Я выросла

На сердце винограда,
На слабом скользком сердце
Винограда.
Настала осень
На земле и в вышних,
И потому подземный
Голос слышно.
Ах, выверни мешок —
Чтоб я очнулась,
Ах, выверни мешок —
Чтоб я проснулась,
Упала посреди
Поющих речек,
Качающих распевно головами,
И кровными рассыпалась словами.
Настала осень на земле и в вышних.
Адам трепещет, осыпая листья,
Сожжем же листья и очнемся дымом.
Все языки Господь наш понимает...
Мы живы посредине винограда...
Настала осень на земле и в вышних...
И по ночам Весы седеют в небе.

ОРФЕЙ

На пути обратном
Стало страшно —
Сзади хрипело, свистело,
Хрюкало, кашляло.

Эвридика: — По сторонам не смотри — не смей,
Край — дикий.

Орфей: — Не узнаю в этом шипе голос своей
Эвридики.

Эвридика: — Знай, что пока я из тьмы не вышла —
Хуже дракона.
Прежней я стану — когда увижу
Синь небосклона.
Прежней я стану — когда задышит
Грудь — с непривычки больно.
Кажется, близко, кажется, слышно —
Ветер и море.

Голос был задышливый, дикий,
Шелестела в воздухе борода.

Орфей: — Жутко мне — вдруг не тебя, Эвридика,
К звездам выведу, а...

Он взял — обернулся, сомненьем томим, —
Змеища с мольбою в глазах
С бревно толщиной спешила за ним,
И он отскочил, объял его страх.
Из мерзкого брюха
Тянулись родимые тонкие руки
Со шрамом знакомым — к нему.
Он робко ногтей розоватых коснулся.
— Нет, сердце твое не узнало.

Меня ты не любишь,—
С улыбкою горькой змея прошептала.
— Не надо! Не надо!
И дымом растаяла в сумерках ада.

* * *

Земля, земля, ты ешь людей,
Рождая им взамен
Кастальский ключ, гвоздики луч,
И камень, и сирень.
Земля, ты чавкаешь во тьме,
Коснеешь и растешь,
И тихо вертишь на уме,
Что всех переживешь.
Ну что же — радуйся! Пои
Всех черным молоком.
Ты разлилась в моей крови,
Скрипишь под языком.
О древняя змея! Траву
Ты кормишь, куст в цвету,
А тем, кто ходит по тебе,
Втираешь глени в пату.

ВОРОБЕЙ

1

Тот, кто бился с Иаковом,
Станет биться со мной?
Все равно. Я Тебя вызываю
На честный бой.
Я одна. Я один.
Пролетеламыш, проскрипеламыш,
Громко дышит ночь.
Мы с Тобой — как русские
и Тохтамыш —
По обоим берегам неба.

2

В боевом порядке легкая кость,
Армия тела к бою готова.
Вооруженный зовет Тебя воробей.
Хочешь — первым бей
В живое, горячее, крепче металла,
Ведь надо — чтоб куда ударить было,
Чтобы жизнь Тебе противостояла,
Чтоб рука руку схватила.
И ответчу Тебе — клювом, писком ли,
чем я —
Хоть и мал, хоть и сер.
Человек человеку — так, приключенье.
Боже Сил, для Тебя человек — силомер.

КНИГА НА ОКНЕ

Как ягненку в грозу или чистым-нечистым,
запихнутым в ящик,
Страшно мне в этом дереве, древе кипящем

Большое дерево — Божье Слово —
Лавр, шелест, трепет слышно —
На котором пророки висят, как терновые вишни
Или как рыба на нити (прыг-скак) рыболова.
О, древесная темень, спутанность, прелесть —
Ветки, ягоды, ангелы — все они спелись,
Они ткуют и поют. Что же ткуют? Багряницу.
Среди листьев китов бьют фонтаны, а птицы —
Птицы хищные выпили б кровь этих ягод,
В зоб свой замшевый пару-другую сховали.
Только нет — обожглись, снова вплюнули

в ветки —

И они приросли канарейками к клетке.
В это дерево мне не войти — это джунгли,
Ты уж там — в сердцевине, в стволе, в тихо
тлеющем угле.
Среди листьев там плещется море, и птицы-пловцы
в нем не тонут,
Ночь — Иона в Ките, через ночь — Кит в Ионе.
Вот яблоко, звеня, отверзлось, и два павлина там:
Тот, что пестрее, — Ева, позолотей — Адам.
Авраам лимоном сияет, в дуплах светлые духи
роются,

На лепестках стада оленей, серн,
Юдифь летает синей белкой
И орехи грызет и твердит: Олоферн, Олоферн.
А Ной смолит большую бочку и напевает.
(Ведь ты меня возьмешь туда,
Когда подыметесь вода?)
И молнией златой Илья все обвивает.

Говорят, всю прочтешь — зачитаешься, съедешь
с ума.

Это видно, заметно — дрожит уже он.
Тыква разума с радостью рухнет сама —
Толстобокый надменный Иерихон.
И я тогда шагну в дремоте легкой, странной
Под водопад теснящихся теней.
О Моисей, придя к земле обетованной,
Ты чувствовал, что ты приснился ей?

Не знаю, что это, но если это книга,
То вот она лежит пред лесом на окне,
Ее листает ветер торопливо,
Она горит на западном огне.
И миллионы глаз слетались к ней из ночи,
Из леса и кружились вокруг нее —
Как бы шары и орды пчел рабочих
Кругом куста, цветущего огнем.

ЛЕТНЕЕ МОРОККО
(натура культурата)

ДОСТОПОЧТЕННОМУ ДРУГУ
живому воплощению высокого морокко,
славному отпрыску баронов
фон Драхенфельс и фон Пуппенменхен —
ЯГО БОЕВИЧУ НЕРО
лучшему из пуделей
(кои в свою очередь — венец творенья
и вершина эволюции)
с благодарностью
за советы и критические замечания
посвящает свой труд АВТОР

Лежу я прутьяной и мелко-мелко сердце
занозила.
Качаяся, шурша, гудя и внемля,
Там, в вышине, цветам даю начало, срок
В пещере багровеющей подземной.
И море воздухом сочится чрез песок.

ЧЕРЕМУХА И ТОМАС МАНН

Дожди напали на весну. Повычесали
Лепестки с деревьев и бросили их в лужу.
Они лежат, сияя, сон их тонок.
Черемуха мятется на ветру,
Как легион разгневанных болонок.
Весна обстриженная,
Весна обиженная,
И горло тучами обложено,
Таковыми синими.
Черемуха — Волшебная гора,
Внутри нее — чахоточный германец.
И то же, что ее дрожащие цветы —
Его веселый роковой румянец.

НЕБЕСНЫЙ БАЛЕТ

Вчера была гроза,
И: «ух ты!» — говорила я всякий раз,
Как молния прыжком
Нижинским в облака влетала и скользила,
И в бездну падала — от этого был гром.

И тучи прыскали алмазным порошком.
И вместе — блеск и топот тот невместный.
О Дезире! Балет небесный!
Толкают — мол, пора — на сцене этой тесной,
Висящей между бездною и бездною,
И локоть округлить, и сердцем распрямиться,
Зависнув, просиять и в пропасть провалиться,
Сверкая в глуби заоконных глаз.

* * *

Мне снилось — мы плывем по рисовым полям
(Из риса делают бумагу),
По блеску мокрому, по зеркалам,
Болотному архипелагу
В бумажной лодке, лодке бледной.
Не слышно плеска — весла так легки.
В тумане лодка мокнет, утопает,
И мелкие дождятся огоньки.
Метелки риса, вставши из воды,
Корейскими косят глазами, дабы
Я поняла: предмет любви не ты —
Они. Любви ветвится канделябр.
Органной песней, как труба в трубе

(Естественно любить и всех и сразу),
Смотри — уходит память о себе
На дно неловким мертвым водолазом.
Смотри — дождем кружатся огоньки,
Не падая на землю — это души,
Которых неутешная любовь
К Творенью и Творцу, душа, не тушит.
О, как давно я это знала все —
Еще когда была двуногой.
И вот тону, и вот лежу на дне
Любви мильонорукиим осьминогом.

На мелком дне, на рисовых полях,
Принадлежа земле, воде и небу,
Томлением живым. И сладкий страх —
Меня полюбят те, кто думает: «я не был».

ДЖОКОНДА

(на знаменитую кражу)

О маленький маляр, укравший Мону Лизу!
(А может быть, она его украла?)
Днем в сундучке спала, а в полночь
Развертывалась, целовала.
Она ли грубого любила маляра,
Звала издали — приди, украдь!
И ночью выползала из угла,
А утром забиралась под кровать.
О человек, ужель ты согрешишь?
Ведь с ней нельзя ни есть, ни пить, ни спать,
Она шуршит в потемках, будто мышь,
С ней можно тенью холстяною стать,
Рисунком или краскою налиться
Взамен крови. Кто это в дверь стучится?
Кудрявый, крепкозубый как вампир,
Он — Леонардо — вами насладится.

СВАЛКА

Нет сил воспеть тебя, прекрасная помойка!
Как на закате, разметавшись, ты лежишь
со включенною головой
И черный кот в манишке белой колко
Терзает, как пьянист, живот тяжелый твой.
Вся в зеркалах гниющих — в их протресках
Полынь высокая растет —
О, ты — Венеция (и лучше, чем Венеция),
И гондольером кот поет.
Турецкого клочок дивана
В лиловой тесноте лежит
И о Стамбуле, о кальяне
Бурьяну тихо говорит.
В гниющих зеркалах дрожит лицо июля.
Ворона медленно на свалку опустилась,
И вот она идет надменнее, чем Сулла,
И в цепкой лапе гибель или милость.
Вот персик в слизи, вспухи ягод, лупа,
Медали часть, от книги корешок.
Ты вся в проказе или ты — ожог,
Ребенок, облитый кипящим супом.
Ты — Дионис, разодранный на части
Иль мира зеркальце ручное.
Я говорю тебе — О Свалка,
Зашевелись и встань. Потом,
О монстр, о чудовище ночное,
Заговори охрипло рваным ртом.
Зашевелись и встань, прекрасная помойка!
Воспой — как ты лежишь под солнцем долго,
Гиганта мозгом пламенея, зрея,
Все в разложение съединяя, грея.

ПЕЙЗАЖ С РАЗГОВОРОМ

В барочном теле —
Непорочный дух.
Ты — лев, любовь в тебе — овечка.
То разгорается, то затемнится вдруг,
То заколышется, как свечка.

Вчера гуляли мы на островах,
Как два фантома. Пруд был весь в экземе
И тополиным пухом запружен.
Наш разговор ловил и прятал в вату
Туман, ночным закатом опален.

«Вчера к художнику знакомому зашла
И, тюбики перебирая нервно,
Я сразу «капут мортуум» нашла.
И это скверно, очень скверно, верно?»

«Конечно, я не идеаль¹ный муж
Для поэтессы... но я б старался, я б старался
очень.
Но несвободен я... Да и к тому ж
Вы переменчивы, а жизнь — для пчел
рабочих».

«Я кофту красила.
Чуть желтый матерьял
С безумной смелостью
В раствор швырнула темный.
Шипя, кипела. Кто бы ожидал?
Она на мне, но хвастаться нескромно».

«Вот эта вот? О, что за синева!
Я с морем бы сравнил неосторожно.

Банально слишком. Правда, вы сама?
От вас всего дождаться можно».

Я думаю — любовь твоя робка.
Но и моя — подступит и отхлынет,
Как море севера, где айсберги горят
И чайки стынут.

Я вспоминаю — на арене ты,
Где смерчем мускулов толпу дразня,
Красуешься — и кроткие удавы
Огромных мышц в сиянии огня

Переливаются. И ты — как водопад,
Иль птица ты, проглоченная змеем.
Как два фантома, мы бредем чрез Петроград,
И воплотиться не умеем.

В урочный день,
В полночный миг,
Качнувшись, выплеснут пруды
Немного затхлой злой воды.
Кто их поймет язык?
Как задыхаясь, бормоча,
Шли призраки — и горяча
Их кровь еще была.

«Я болен... знаете ль... но вы...
В вас столько содержания...»
«А форма всякая пошла.
Поправитесь... Попить травы...
Любовь спасет все мирозданье...
И «капут мортуум» нашла...»

ЛЮБОВЬ КАК ТРЕТЬЕ

Когда ты мне сказал — «тебя люблю»,
Глаза расширились и вздрогнули черты.
Мы посмотрели друг на друга
Как изумленные коты,
Как два соперника.
Готовы когти к бою, вздыблен волос.
Посмотрим — когти чьи острее,
Противней голос.

Я за угол свернула и смотрела,
Склонивши шею, на тебя.
Нам, кажется, теперь судьба
Бродить одной и той же крышей,
И слушать — как любовь по лестнице
крадется,
Мурлычет, громко дышит.
Но, воспаляя зелень глаз,
Смотреть не на нее, а в нас.

* * *

Как ндравный купчик, я сегодня злая,
И вот трясу руками, будто — путы.
Я хочу, я хочу посмотреть мюзик-холл
лилипутов.
Вот чего моя душенька просит, желает.

Ну а если нет — в любимый тир.
Постреляю, попаду в мишень.
Пусть медведи пият, пусть трепещет мир,
И та — что за миром прячется — Тень.

ИЗ НИЧЕГО

О погоди!
Скажу! Скажу!
О дай мне миг
Еще один.
Как клавесин,
Стучащий в Рай
И рвущий розу.
Ты мне на времени сыграй
Метаморфозу.
О погоди!
Хоть миг один.
Я и пчела,
Я и цветок —
Не разлучай наш брак —
И в трепете сладимый сок.
Ты — храм разрушенный,
И там
Плитой пробился
Колокольчик.
Он службу служит и звенит,
Пока окрестность спит.
О погоди! Скажу! Скажу!
Но я скольжу
В безвидный мрак,
Уже не колокольчик — мак,
Уже не мак, а птица,
Уже не птица — кровь,
Которую пускают всем,
Кто слишком много хочет.
Ужель ты кинешь меня к тем,
Кто колет темь и рубит темь
В скале молчания, — к совсем
Немым горнорабочим?

ОСТРОВОК НА КАМЕННОМ

Вон остров — крошечный, чудесный,
Его утята сторожат. Восток
Луною ранен.
Любовь напаялила на голову мне тесный
И душный легкий световой мешок.

Пойдем водою теплой и гниющей
По пояс в лопкой ряске и цветах
Туда — где белый гриб, несущий
Большое канотье на двух ногах.

Ты помнишь Клейста?
А клеста ты слышишь?
На острове моем дубы кружат.
Они замрут и шепчутся для вида,
На самом деле все они — друиды,
И никого не выпустят назад.

Как душно мне. Там павильон Венеры
Когда-то был — и яма там теперь.
Ты слышишь — там трепещет центр мира.
Восток течет Луною, будто зверь.

(Ты, остров мой, сменил уже давно
С дном илистым, порвав со всхлопом, связь
На глубь иную — на глазное дно.
И вот топчу сама я свой же глаз.
Взгляни в зеленовато-серый помрак,
В дичающие травы и огни.
Тебя из пруда вырвав, мой монобль,
Из града — в ободок. Плыви, тони).

Ты помнишь Клейста?
А клеста ты слышишь?
Тебя июльское пьянит ли бытие?
Вот остров — он лежит как сердце
Цветущее проросшее мое.

Пойдем туда — там никого (о птица ль?),
Там неземной и там подземный дом,
Там мути, гнили и любви обитель
Невыносимо душной — и умрем
Вдвоем
В пластинке заедающей зеленой
Или на донышке пивном.

ВЛЮБЛЕННЫЕ НА ПОХОРОНАХ

Памяти Риты

Как будто острой формочкой пирожной
Крутнув, на сердце вырезали день.
Любовь и Скорбь, смешаь неосторожно,
Бросали друг на друга облак, тень.

Как синагоги покосились двери.
(На чемоданах Бог. Ты в саване нагая).
Поет раввин, золотозубо щерясь,
Заученную древность напрягая.

Как будто в улье опустелом
Гудит последняя пчела —
Молитва всем охрипшим телом
Подпрыгивала из угла.

А ты лежишь — сильней молитвы,
Доверчива и так нежна,

Как слабый мотылек прибита
Иглою к ящичку без дна.

Влюбленным на похоронах
Быть некрасиво и постыдно,
Но это — смертный гонит страх,
А скорбь живет (да и не видно).

Любовь, двоясь, восходит повиликой,
Не друг на друга, а туда — мы смотрим
оба.

И ветки, что растут, сплетаясь дико,
Сейчас зажмет навеки крышка гроба.

Сначала редкие ударили комки —
И хлынула земля, как ливень шумный.
То смерти двинулись безумные полки,
Беря любовь последним, пьяным штурмом.

Из сборника
«ЛОЦИЯ НОЧИ»

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ

Когда-то русская земля
У Истры, на равнине чуткой
(Должно быть, в смерти миг Господней)
Завесу на себе рванула —
Там выпрямилась, здесь прогнулась,
Там выкружилась, протянулась,
Второй Голгофою вздохнула.
Спрямилась Истра в Иордан.

Как будто посмотрела местность
В заоблачные зеркала —
В черты лица Ерусалима,
И повторила, как смогла.
(Так белая сестра-подросток,
Бывает, подражает брату
Горяче-смуглому...)
И ангелом ведомый патриарх
Пришел на эту гору, в тот овраг,
И землю ту узнал, и храм воздвиг,
Мельхиседека гробницу перенес
В притвор особый, тесный.
И думал Никон — с этих палестин
Короткий перелет во град небесный.

А я брожу кругами по двору —
Как далеко до тех прекрасных стран!
Но Бог повсюду помнит человека.
И поутру
Я здесь похороню Мельхиседека,
И речка Черная пусть будет Иордан.
Я Кану Галилейскую найду
Здесь у ларька пивного, право слово.
В пустую кружку льется дождь во льду,

Он крепче пития хмельного.
Скользит черно-зеленая вода,
Пускай века и люди идут мимо —
Я поняла — никто и никогда
Не выходил из стен Ерусалима.

Колесо перевернутых ног,
Очищенья ожог.
Только руку сломал,
Облака напугал,
Ничего, заживется до смерти.
Поскорее к врачу,
Я потом заплачу —
Деньги дома забыл я, поверьте.
Руку нянчит —
Она ведь
Сейчас родилась,
Постовые извозчику машут.
Вот он едет, молчит
И неслышно скулит,
И колеса слегка подвывают.
На запятках его
Стоит существо —
Я не знаю как звать,
Только крылья кольцом
Скрещены пред лицом,
Через глаза
Седока вылезают.
Или это лучи?
Трепет света и тьмы,
Нервность ночи?
Когда вдруг при луне,
Раскаленной луне
Рыба воздух сжигает своим серебром,
Рвет губу и в прохладу уходит.

КРАСНАЯ ЮБКА

М. Соболевой

Место действия:

- 1) берег залива, напротив Петергофа; ветренно,
- 2) во времянке; туманно.

Я тихо подходила к морю,
Бутыль бросала далеко.
От всплеска — чаек синий порох,
Крича, взлетал так высоко.

Горела моя юбка ало,
И ветром с тлеющих песков
Так высоко ее вздувало,
И накрывало Петергоф.

И опадала, и взлетала,
В колени хлопала мои,
И медленно, как два кинжала,
В Кронштадт входили корабли.

Я шла заливом, припевала,
А ты передо мной металась,
Цветочки белые свивала
И развивала — вся как парус.

«Уймись же, юбка. Что ты скачешь!»
Ладонями в тебя стучала,
А ты под ветром, ветром с суши
Вся вздрагивала и плясала.

.

Упало солнце. Во времянку
Пойду, туман стряхнувши с ног.

Лягушки, чуя дождь, со шлепом
Ко мне скакали за порог.

У поцарапанного шкафа
Тебя я, вялую, снимала —
Крючок ослаб, прожог, заплата,
Швы разошлись — как ты устала!

Тобою, мертвой, занавешу
Окно — сегодня полнолуние —
От раскаленной лунной плеши,
От наводнения, от безумья.

Тебя повешу на окне —
Пусть ночь тебя оденет ночью,
Пусть соловей тебя прожжет,
Пускай роса тебя промочит.

Не сплю. Луна скользит, мертва,
Слегка прикрытая кошмою,
Как срубленная голова
В мешке татарина кривого, —
Скользит, уходит из окна,
Она мерцает под травой.

«Что ж ты Луну не довезла?»
Орда бежала бы бегом
Смотреть — как хан тебя развяжет,
К губам прижмет, вина прикажет
И отшвырнет Луну ногой.

РОЖДЕСТВО 85 ГОДА

1

Канула звезда во тьму,
Будто бы под землю убежала,
И в улыбке мира, в глуби губ
Черная жемчужина дрожала.

О праздник яснозолотой,
Весь в шепотах и сине-красный,
Как взмах крыла птицы прекрасной,
Летающей сжечься из-за гор
В огня кровавые объятья,—
О, ты страшней распятья!

Как льву войти в песчинку?
И тигру ли в мышонка
Крутнуться с криком «оп-ля»?
Или грозе вместиться,
И с молнией и с блеском,
В скользящую под глазом
Болотистую каплю?

И Богу это страшно,
И человеку странно.
Звенят колокола,
И под землей во мраке,
В том беспросветном мраке
Свеча себя зажгла.

Овца запела, волхв сказал
Ни для себя, ни для кого:
«О если б в сердце у меня
Ты совершилось, Рождество!»

Он из кармана вынул дар —
Орешек крепкий, золотой,
Отколупнул и надломал —
Горел огарок там простой.

Он в уголь, тлеющий в углу,
Вдруг бросил ладан, соли красной,
И место страшное сие
Дохнуло сладостью ужасной.

2

Едва с автобуса сошла,
Колокола уже гудели —
Как будто воздух городской
Взлетел на длинные качели.

И в церковь все, теснясь, дымя,—
Старухи, тертые, как мусор,
Или красавцы темнорусы,—
Все это — мой народ, и я.

Все что-то шепчут тихо, свечи
Передавая безотказно
Нагие, липнущие к пальцам:
К Скоропослушнице, на Праздник.

Когда священник помазает —
Глубокий обморок мгновенный,
Елей
На переносицу стекает.
Как будто смотрит Бог в трубу
(Когда проводит кисть по лбу)
По очереди на толпу.
Я прочертила воздух мерзлый,
Покров приотворился звездный,

И я смотрю с конца другого
В Твою трубу — и вижу
Дым, потом огни.
О, не суди меня сурово —
Я только звук и крошка слова,
Я только кровь, как все они.
Взлетает церковь к небесам,
В ней кровь гранатовая наша.
Зачем спеклась, зачем дымит
В снегах оставленная чаша?

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКАТУЛКА

В русском подполе, душном рае
Князя красивые такие —
Они совсем как горностаи
Или камня дорогие.
Из шкатулки их достану,
Из тьмы навозной,
Из алмазной —
Хотя бы Грозного,
Дьяка, приказных.
Я рассмотрю их, поверчу,
Булавкою пощекочу —
Какие куколки,
Марионетки!
Да были ли вы вправду,
Деточки?
Я постелю им шубку белую,
Насыплю жемчугу и пороху,
Дам мышь под хреном, каши гречневой,
Медового густого мороку.
Они пищат — да где Расея-то?
Она не нами ли засеяна?
Во тьму мы пали, чтоб росла.
Я их верну в ларец узорчатый,
Задерну полстью волчьей серою —
Как там темно, и как прекрасен
С клюкою царь (и неопасен),
Согнувшись маленькой химерою.

ПАВЕЛ. СВИДАНИЕ ВЕНЦЕНОСНЫХ РОДИТЕЛЕЙ

Три десятка и пара еще карет
Черных (по числу лет),
Лошади еще черней,
А еще чернее кавалеры,
В черном бархате прямы и неподвижны,
И везут на маленьких подушках
Ордена и орденские цепи.
Звезды по проспекту мчатся цугом.
В свете факелов мерцают только крупы,
Лошади скользнули друг за другом,
Будто рыбы под студеною водою,
Будто позвонки перебирают.
Это все на Невском и в России,
Или в позвоночнике у Павла,
В горле пузырями ходит речь,
И одно его желанье гложет —
Чтобы жертве и убийце вместе лечь
На подземном брачном вечном ложе.
Год за годом эту мысль копил,
Как медяк за медяком в заветной скрыне,
Чтобы выбросить вдруг четки лошадей
От Невы до Невской свят-пустыни.
Чтобы вырыть из земли нагие кости —
Эта погремушка был отец мне —
И к испачканной в крови припасть перчатке,
Чтобы с матушкой-убийцей вместе
В крепости зарыть под балдахин.
Вот фантом, что породил фантома —
Эта мысль на вороных конях
Протекает с медленной истомой,
Как мой сон в чужих глазах,

О зачем ты их свел? Свою пышную свежую
В склеп, где не ждет ее легкий гремящий ^{мать}
Оправданий не нужно, и державу забыл-то ^{отец?}
Слишком давний Элизия скорбный ^{как звать,} жилец.

В САДУ ИДЕЙ

Если ночь застанет тебя у шумящих садов
Эпикура,
У калитки усни — это милость —
Где средь листьев белеет понятий скульптура,
Случай лысый и необходимость.

Вьется из сердца красной нити конец,
Схватит Сестра, запрядет,
А вторая веретеном в крестец
Толкнет и в сад поведет.

Вот брожу я в аллеях уныло,
Читаю, что временем полусмыло,
Повторяя про себя ежечасно:
Как я счастлива, как несчастна!

Там уж люди ходили — они любовались,
Обходили кумиров в изумленье кругом,
А другие в отчаянье в мраморе их колупались,
Колотясь о подножия лбом.

Как понятия белы, и прозрачны они по-девичьи,
Как бессчетен их каменный лес —
Там идеи Платона кружились, как чучела птичьи,
И, как шар Парменида, на нитях свисали с небес.

Солнце ехало вниз, и тени понятий длиннели.
Гелиос, о погоди! Дай мне их все же понять.
Но смеркалось так быстро — они только слабо
белели,
И вдруг побежали — руки разума следом —
да где их поймать.

Вот и Время — стояло, крошилось и млело.
Только я начинала уже прозревать,
Как оно побежало, качнулось, осело,
И уже — не понятье, а не знаю, как звать.

О Пространство! — так просто ты в руки давалось,
легко.

О Блаженство! — за маскою муки скрывалось.
Вдруг разверзлись и хлынули, как молоко,
Океаном без формы и пеной они оказались.

Бегство! Топот идей. Гипс, разлетевшийся дробью.
Мрамор, лопнувший будто стакан.
Кто же варвар, крушащий все эти надгробья?
Кто ворвался с дубинкою? Кто ураган?

Рядом вдруг загремело, кто-то крикнул высоко,
Рядом кто-то прошел, приминая кусты,
Вспыхнуло в выси, погасло кровавое око:
Это Бога убили. Это — умерший Бог. Это — ты.

ПОПУГАЙ В МОРЕ

Вот после кораблекрушенья
Остался в клетке попугай.
Он на доске плывет — покуда
Не заиграет океан.

Перебирает он слова,
Как свои шелковые перья,
Упустит — и опять поймает,
Укусит и опять подбросит.

Поет он песню о мулатке
Иль крикнет вдруг изо всей мочи
На самом на валу, на гребне,
Что бедный попка водки хочет.

И он глядит так горделиво
На эту зыбкую равнину.
Как сердце трогает надменность
Существ беспомощных и слабых.

Бормочет он, кивая:
Согласен, но, однако...
А впрочем, вряд ли, разве,
Сугубо и к тому же...

На скользкой он доске
Сидит и припевает,
Бразилия, любовь
Зажаты в желтых лапах,

Косит он сонным глазом,
Чтоб море обмануть:
Год дэм!... В какой-то мере
И строго говоря...

А волны все темней и выше,
И к ночи океан суровей,
Он голову упрячет в перья
И спит с доверчивостью детской.

И растворяет тьма глухая
И серый океан косматый
Комочек красно-золотистый,
Зеленый и голубоватый.

ТРОЕ БЕЗГОЛОВЫХ

Стихотворение растет, как сталактит,
Ветвится сложно и звенит.
И выйдет замок, коль перевернешь --
Ворота, башню, ров найдешь.

Я много головою ударялась
О выступы, о стены, о дома,
Но миру твердому не удавалось
Проникнуть в масло ясное ума.
К тому же много есть примеров,
Что можно жить без головы —
Шаман в руках ее подкинет,
Наевшись бешеной травы.

(первый безголовый)

В незапамятные веки
Дикий великан Син-Тянь
С топором рванулся к богу —
Желтый император, встань!
Желтый император встал
И драконов кликнул из пустыни.
Как ни рвался, ни метался великан —
Голову срубили на вершине.
Но столько было в нем
Творящей злости,
Что на сосках его
Прорезались зрачки
И бешено вращались.
В пупе открылся жадный рот —
Он что увидит, то и жрет.
А тулово его вертелось
На стержне ног,
Топор рубил все,

Что достать он мог.
И так кружащимся
Его оставил бог.
И кажется, что ныне
В веретене смерча он, в середине.

(второй)

Еще забуду ли аскета
(За миг до святости он обезглавлен был) —
Он, голову быка схватив, помчался прямо
В насытой святости и ярости священной,
Стал смертью сам и все вокруг убил.
И бог упрятал Яму в яму.

Я Архимеда вспомнила «Псаммит»,
Где он песок прилежно исчисляет:
Сначала в шаре крохотном, с орех,
Потом все в большем, наконец — до звезд.
И там песчинок сосчитал он рост.
И мне мерещится при этом голова,
До неподвижных звезд растущая огромно,
Ей в ухо сыплют маковые зерна,
Иль с шорохом течет туда словарь.
Слова, как в трубке зелье, принимают,
Потом исчислят, —
И в звездном облаке растает голова,
Песок просыплется, как лилипута смех,
И голова вдруг станет как орех.

О хрупкий, переливный, тяжкий шар, —
И в нем содержатся в местах
определенных —
Бог, время, сны, Москвы пожар
И флот Антония влюбленный.

(третья)

С дня рожденья шла — упала
(Так упала, так упала!)
Будто с неба — прямо в землю
Головой,
И теперь свечу затеплю,
Что осталась я живой.
Ах, зачем вдруг почва ускользнула?
Кто бы и подумать мог,
Что Земля подымется навстречу
И виском ударится в висок.
А висок у ней поболее моего —
Сбила голову мою, как снежный ком,
Закатила ее в глуби, во нутро,
И играет, будто кот мотком.
Не идти же мне за ней под глину.
О верни! — лежу без головы ничком,
А она катается, горит в глубинах,
И вернется вдруг, как птица в дом.

Я ее, как шляпу, подберу,
Поклонюсь земле сырой:
Голова моя была в тебе, как в туче,
Скоро будешь ты в ней, будто гром.
Живите каждой бедной клеткой,
Вы, призрачные существа, —
Одолжена или навеки,
Вниз укатилась голова.

ПЕРЕЕЗД

Е. Мусину

В коробки складываем,
В узлы увязываем,
Переезжаем.
Деревню Новую мы покидаем,
Мы эмигрируем
В Измайловские роты.
Из чего едят,
И на чем спят,
И чего читать,
Фотографий ворох,
Даже веник, даже градусник
Переезда чаёт.
Кошка нервничает
Перед дорогой.
Кошечка, будто старый китаец
В спущенных белых чулочках,
Кинется в угол — и прочь оттуда —
Фыркает там домовый.

Больше я вам не друг — дворы, пустыри,
Боле я вам не пастырь,
У вас на глазах липучку рву —
Молодости последний пластырь.
Если вновь вас увижу — ради
Могилки родной собаки.
В Черную брошу речку
Детские — на что они — тетради.

Что забыла — не вернет
Школьная моя улица.
Едет жалкий скарб, старое пальто, —
Все, во что жизнь кутается.
Переезжаем, переезжаем.

Стена скрипит, метла шумит,
Зеркало смотрит в окно,
Глотая здешних закатов последнюю алость.
Был бы аквариум — уж давно
Рыбки бы в нем метались.

Едет древний наш буфет,
Таз, пластинки венские.
Вы ж не бегайте за мной,
Ивы новодеревенские.
Хорошо, что когда
Я поеду на тот свет,
То уже не надо брать
Ни чего читать,
Ни с чего едят,
Ни на чем спать,
Ни фотографий.

Вперемешку вилки, письма,
Новогодние — теньк-теньк — игрушки, —
Прилепились вы ко мне,
Будто к кораблю ракушки.
Выстроились в ряд, дрожа, вещицы,
Будто действующих состав лиц —
Кланяются — вдруг оставлю.
Лары все пересчитали и уселись на узлы.

Жизнь, напялив одеяло,
На затылок — сковородку,
«Все ль я, — думает, — забрала?»
Ждет такси, как у причала,
Из карманов виснут шмотки.

Побросали все, как в лихорадке,
Тронулись, как скатерть со стола.
В путь отправились уже глаза и пятки,
И душа, помедлив, побрела.

ДЕТСКИЙ САД ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

За Балтийским вокзалом косматое поле
лежит, —

Будто город сам от себя бежит,
Будто здесь его горе настигло, болезнь,
Переломился, и в язвах весь.
Производит завод мясокостную жирную пыль,
Пудрит ею бурьян и ковыль,
Петроградскую флору.
И кожевенный там же завод и пруд,
Спины в нем табунов гниют.
Ржавые зубы кривые растут из бугров,
Изо ртов больших тракторов.
Кажется: будет —
Народятся из них новые люди
И пойдут на Исакий войной, волной,
Вой-не-вой — все затопят.
Если птица здесь пролетает, то стонет —
Глаза закрывает, крылом эти пустоши гонит.
Там же и раскольничье кладбище дремлет,
Сломана ограда и земля ест землю.
Здесь же детский мой садик.
Здесь я увидела первый снег
И узнала, что носит кровь в себе человек,
Когда пальчик иглою мне врач окровавил.
Ах, за что же, Господи, так меня ранил?
Детский садик, адик, раек, садок —
Питерской травки живучей таит пучок.
В полночь ухает не сова, не бес —
Старый раскольник растет в армяке до небес.
Он имеет силу, он имеет власть
Ржавые болезни еще раз проклясть.
Из муки мясокостной печет каравай
Красного хлеба и птицам крошит.

Он зовет императора биться на топорах
До первой смерти и новой пороши.
Он берет из прудов черные кожи
И хлещет воздух по роже,
И пускает их по небу, как тучи,
Весть нести —
Город, как туша, разделан
У дикой тоски в горсти.
Так человек в середине жизни
Понимает — не что он, а где он.
Труб фабричных воев контральто,
И раскольник крестится под асфальтом.
И за то, что здесь был мой детский рай;
И за то, что здесь Ты сказал: играй;
И за то, что одуванчик на могилах рвала
И честно веселой, счастливой была, —
О дай мне за это Твою же власть
И Тебя, и детство свое проклясть.

ДЕВЯТИСВЕЧНИК

Елене Лебедевой

Вот старушка — церковная соня —
Собирает огарки свечей,
А между тем она — храм Соломонов,
Весь позолоченный
И ничей.

Вот одинокая колокольня —
Ни у кого нет от ней ключей,
А между тем она — храм Соломонов
Или прекраснее,
И ничей.

Вот на вершине сидит ворона,
Ежась пред войском зимних ночей,
А между тем она — храм Соломонов,
Еще прекраснее
И ничей.

Вот и дни мои, будто солома,
Недостойные даже печей,
А между тем они — храм Соломонов
Или прекраснее,
И ничей.

Вот и Луна — вкось по небосклону
Туда и сюда, будто качель,
А между тем она — храм Соломонов,
Весь позолоченный
И ничей.

Вот и солнце ходит бессонно,
Яростных с мира не сводит очей,

А между тем оно — храм Соломонов,
Весь позолоченный
И ничей.

Вот и мир весь — в грязи и стогах
И постоянный двор палачей,
А между тем он — храм Соломонов
Или прекраснее,
И ничей.

Вот оно — Имя — в воздуха лоне,
В блеске невидимых мечей,
А между тем оно — храм Соломонов,
Еще прекраснее
И ничей.

Вот и могилка в траве вся тонет,
Над ней не слышно ни слез, ни речей,
А между тем она — храм Соломонов,
Весь позолоченный
И ничей.

ЛОЦИЯ НОЧИ

1

Я почти ее (о, я знаю ночь) не пятнала сном.
Сколько черным просыпалось рисом ночей —
Хоть кутью вари из него.
Звездный пергамент терла локтем, рукавом,
Тьма сошла — и явился собор лучей.

Они тянутся из всех углов,
Из невидимых глаз, из звездных сосков,
Из повисших на крючьях пустых рукавов, —
И дрожа, припадает холодный свет
К тебе — которого нет.

Днем-то вроде бы есть —
Беседка из легких костей
И светильник на ней мозгового ореха,
И дудка звенит души.
Ночь же видит — что это прореха,
И демону некого душить.

Потому я спокойно смотрю на ее парады,
На ее маршировки под гниющей луной
И на то, как крылатых мышей отряды
Прибывает с каждой ее волной.

В первую стражу ходит боком, забором,
А во вторую — что тянется без конца —
Повернется и журавлиным шагом
Входит в лицо — потому что нету лица.

Я не жалкий светляк в лучей скрещенье,
А само скрещенье — тут не помочь,

Потому что и звезды переносят, нагледя,
вращенье
С неба — в кровь. Потому что я — ночь.

Даже днем —
Как чернильный орех на дубовом листке —
Клеймо на мне ночи и присных ей.
Потому что мóря в запястье и на виске
Не разобьет, не перешагнет Моисей.

Вместо дна у нее — темный исток
Вечною раной клокочет.
Я знаю все волны ее, рифы и мель,
Здесь черти, а здесь — кошачья трель.
Прямо с неба упала лоция ночи.

Все равно я не помню, куда плыву.
Здесь был маяк и потух.
Посредине моря на острой скале
Трепещет немой петух.

2

По каналу прогулка ночная
Вызывает безумные тени,
И напрасно луны топор
Подрубает им жилы голени.

Смотрю я по каналу вдоль
И вижу — он из мутных слез.
По берегам его комоды,
И мимо я скольжу, как моль
Из каталога неприроды.
И думаю — что мир есть только слово,
Но трудно — длинное! — прочесть все целиком,
Поскольку я живу, как четверть гласной,
Недалеко от центра, в нем самом.

Недалеко от центра — и канала,
Где Батюшков, несчастный человек,
Взглянул в окно (луна ему сказала) —
По мутным водам шел Мельхиседек.
Когда бы я была в прошедшей жизни кошкой,
То — дыбом шерсть — сбежала бы от вас,
А если бы (что лучше) канарейкой —
То пела б вслед, не открывая глаз.
Но тени оба мы и отблеск человека,
Он прыгает с окна — и за руку вдвоем
Мы по воде мерцающей бредем
За черною спиной Мельхиседека.

3

Иной мастак
Нальет пивка себе в кулак
И пьян бывает.
А я хочу, чтобы вино
Из облаков ночных текло,
Чтобы летело из-под шин
От проносящихся машин,
Чтоб пьян был ворон, воробей,
Последний, первый из людей.
И только от свеченья
Тут всякий насмерть пьян —
Как в первый миг творенья,
Зеленый бьет фонтан.

4. Еще по каналу

Всю дорогу за мною тащился черт,
И не отгонишь — зачем?
Ведь они (я на мост — он на мост) —
Мухи белых ночей.

Он жизнь мою как брелок вертел,
И было мне обидно,
Что он шептал, напоминал
Все, что мне было стыдно.

Чуть горит и теплится вдоль ночи
Перламутровый зеленоватый свет.
Одуванчики висят в ее суставах,
Одуванчики — ее скелет.

И перебежками, скачками
Везде собор — в анфас, углом.
Запястье, будто угольками,
Ночным ошпарит комаром.

И по всаднику ползет зеленый
Цепкий и неотвратимый мох.
Если этот блеск, разлитый всюду —
Если он от Бога, —
Страшен Бог.

Как будто эту ночь соткал
Сам из себя червь-шелкопряд
Как бы платок — и проступил
На нем погибельный наш град.

И вьется так же мысль, как шелк,
И ею правит червь и царь.
Мое лицо передо мною
Плывет и слепнет, как фонарь.

Здесь, рядом, голову свою
Схвативши, как макитру с кашей,
Бросил афино-офицерскую свою
И разбил о чугун Гаршин.

5

Все окна мечены крестом,
Все крестится в глазах моих
И скрытые кресты столбов —
И позвоночных и простых,
И улицы — в скрещенье их.
И только церковь без крестов
Стоит, как стебель без цветов.

Одни из луковок ее
Торчат обломки, как отростки
Цветов невидимых, свободных.
А может, созревает роза,
Которая кресту природна.
Регулировщик на углу
Раскинул руки.
Ах, если б он сейчас взлетел
Туда, на церковь,
Уменьшился бы и стоял
Он там веками,
Позолотел бы и сиял
Во тьме над нами.

Не нужно — на завершьях храма
Земную службу ангелятки
Уже несут в лучах заката,
Крутятся на острие, на пятке.
На миг один мне были видны,
А так давно стоят — простыли,
Заждались уж — когда их сменят
Железные и золотые.

6

Иду и сыплю по пути
На все, чего не очень жаль,

Прохладу некую в груди,
Что называется — печаль.

В раскрытых окнах телевизор,
Надутый, как воздушный шар.
Влетает в щель под занавеской
Тяжелый от тоски комар.

Взрезает землю влажную
Каблук,
Ищут глаза в облаках
(Почти цитата) крюк.

И к сфинксу мое сердце
Летит уже смелей —
Кто смерти не боится,
Тот не боится змей.

И разум не страшится
Тех глаз, что ночь и день
Следят за нами всюду
Привязчивей, чем тень.

7

Венецию, как лодку расписную,
Шестом придвину, сдвинув горизонт,
И привяжу к гранитному кольцу —
Пускай пока попляшет на Фонтанке,
На ней вплыву в туманный белый Понт.

Ах, зачем ты постель Адриатики
Покидаешь, на север спеша?
И зачем-то венчается с Балтикой
Это Феникс и Венис-душа.

Адриатика волны густые
Подмешала мазутом к Неве,

И на крышах, на трубах — лагуна
Улеглась, как в морской траве.

И тебя, моя лодка парчовая,
Так высоко возносит прибой.
На изнанке ночь нарисована —
Это ты, моя родина новая,
Легкий трап опускаешь витой.

Душа идет по небу вброд
И опускаясь в то же время,
Как рыцарь, покаянья бремя
Избыть решив, — в подводный грот.
На нем скафандр белый-белый,
Копья обломок ледяной.

8

Но вот настало утро. Домой пора, пора.
Звон звучит протяжно, как дальнее «ура».
Священный бред, священный брод...
Когда ж трамвай ко мне придет?
Прощай, канальный блеклый рай.
А днем гулять мне здесь опасно.
Я рада не тому — что вот идет трамвай,
Что выжимается из-за угла, как паста.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Из сборника «Войско, изгоняющее бесов» (1976)

Соловей спасающий	4
Соловей спасающий (стихотворение-двойник)	5
Распродажа библиотеки историка	6
Бурлюк	9
Коляска, забытая у магазина	11
Невидимый охотник	12
Бестелесное сладострастие	13
Элегия на рентгеновский снимок моего черепа	15
Плаванье	18
«Жертвы требует Бог — так скорей же ее принеси...»	20
Новостройки	21
Моисей и куст, в котором явился Бог	23
Соната темноты	24

Из сборника «Оркестр» (1978)

Зверь-цветок	28
Новости дня	29
«В моей душе сквозит пролом...»	30
Наталья Шишигина — инструмент для проявления ду- хов, перчатка и телефон	31
Воспоминание о странном угощении	33
Сириус и пьяница меняются местами	34
Танцующий Давид	36

Из сборника «Разбивка парка на берегу Финского залива» (1980)

Дева верхом на Венеции, и я у нее на плече	38
Элегии на стороны света	40
Два аспекта	46
«Я родилась с ладонью гладкой...»	47
В отставке	48
Кострома-Дионис	49
Церковь в Андронниковом	51

Из сборника «Корабль» (1982)

Память о псалме	54
«Как эта улица зовется — ты на дощечке прочитай...»	55
«Когда за мною демоны голодные помчались...»	56
В полусне	57
Ворона в монастыре	58
«Глухонемой и взрослый сын...»	61
Два стихотворения на особый распев	62
Орфей	65
«Земля, земля, ты ешь людей...»	67
Воробей	68
Книга на окне	69
Летнее морокко (1983)	71

Из сборника «Люция ночи» (1987)

Новый Иерусалим	86
Как Андрей Белый чуть под трамвай не попал	88
Красная юбка	90
Рождество 85 года	92
Историческая шкатулка	95
Павел. Свидание венценосных родителей	96
В саду идей	98
Попугай в море	100
Трое безголовых	102
Переезд	105
Детский сад через тридцать лет	107
Девятисвечник	109
Люция ночи	111

Шварц Елена Андреевна

**ШЗЗ Стихи.— Л.: Асс. «Нов. литература»,
1990.— 120 с.
ISBN 5-85080-001-8**

У нас в стране Елену Шварц начали публиковать сравнительно недавно, между тем она работает в русской поэзии более двадцати лет.

Своего рода вехами этого двадцатилетнего творческого пути стали пять последовательно составленных автором сборников, включающих стихотворения, поэмы, «книги стихов».

В данную книгу вошли избранные стихотворения.

ББК 84.Р7

Елена Андреевна Шварц

Стихи

Редактор *М. П. Соболева*
Макет и оформление *В. Д. Бертельса*
Технический редактор *Л. А. Батенко*
Корректор *Н. А. Хохлова*

Сдано в набор 10.04.90 г. Подписано к печати 02.04.90 г.
Формат 70x100/32. Бумага типографская № 2.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.-печ. л. 4,83.
Уч.-изд. л. 5,69. Тираж 10 000 экз. Зак. 413. Цена 2 р. 49 к.

Ассоциация «Новая литература».
199057, Ленинград, Наличная ул., 51.

Ленинградский издательско-полиграфический техникум
199004, Ленинград, В. О., 5 линия, 28.

Цена 2 р. 49 к.